

Н.В. Мкртчян

НИУ ВШЭ, ИНСАП РАНХиГС, Москва

Ю.Ф. Флоринская

ИНСАП РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Москва

Жители малых и средних городов России: трудова́я миграция как альтернатива безвозвратному отъезду

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя трудовая миграция населения на примере жителей малых и средних городов России. При общих масштабах временной трудовой миграции в России более чем в 2 млн человек, согласно обследованию ИНСАП РАНХиГС, почти каждое пятое домохозяйство в малом городе и каждое девятое в среднем городе имело работника – трудового мигранта в последние пять лет перед опросом, трудовая миграция не ограничивается сельской местностью и поселениями с наиболее узким рынком труда. Выявлена внутрирегиональная трудовая миграция, которая, как минимум, на четверть увеличивает объемы трудовой миграции в России, однако она остается невидимой для статистики, основанной на обследованиях Росстата. Трудовая миграция может быть как предтечей, так и альтернативой переезду в крупные города на постоянное место жительства. Переезду более не препятствуют административные барьеры, главным тормозом служит большая разница в стоимости покупки и аренды жилья между небольшими и крупными городами. В крупных городах заработная плата людей со средней квалификацией не позволяет приобрести жилье в отличие от заработной платы высококвалифицированных работников.

Ключевые слова: *трудова́я миграция, долговременная миграция, квалификация работников, Россия.*

Классификация JEL: J61, R23.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4

1. Введение

Под пространственной мобильностью россиян часто понимают лишь долговременную миграцию населения России, связанную со сменой постоянного места жительства (ПМЖ) и учитываемую Росстатом. При этом во внимание не принимается внутренняя трудовая миграция (отходничество) российских граждан, хотя по объемам она вполне сопоставима с переездом на ПМЖ. Авторы последовательно, на протяжении нескольких лет (Мкртчян, Флоринская 2016, 2018) исследуют это явление с целью вывода его из тени в публичный дискурс.

Временной трудовой миграцией в пределах России мы считаем осуществление трудовой деятельности за пределами своего населенного пункта, с периодичностью возвращения домой не чаще раза в неделю. Под это определение не подпадают люди, совершающие ежедневные поездки на работу, а также работающие в режиме «сутки–через трое» и т.п.

В ИНСАП РАНХиГС по одной и той же методике было изучено распространение внутренней трудовой миграции в малых рос-

сийских городах (в 2015 г.), а затем — в средних городах (в 2018 г.). В качестве опорных городов для проведения репрезентативного опроса домохозяйств¹ были выбраны четыре малых города (Вязники во Владимирской области, Ртищево в Саратовской обл., Камень-на-Оби в Алтайском крае, Сатка в Челябинской области) и четыре средних (Бузулук в Оренбургской области, Великие Луки в Псковской области, Мичуринск в Тамбовской области, Чистополь в Республике Татарстан).

В России на начало 2018 г. насчитывалось 153 города с населением от 50 до 100 тыс. жителей (такие города принято считать средними) и 789 городов с числом жителей до 50 тыс. жителей (такие города принято считать малыми). В них проживали соответственно 10,6 млн человек и 16 млн человек, немногим более четверти российских горожан. Согласно *теории Четырех России* (Zubarevich, 2013) эти города относятся ко «второй России», где многие еще советские предприятия были закрыты из-за неэффективности и убыточности, а малый бизнес имеет мало возможностей для развития ввиду низкой платежеспособности населения и высоких институциональных барьеров. Мы исследуем, в какой мере в трудовую миграцию вовлечено население этих бывших индустриальных городов, которые могут являться, в силу своего размера, значимыми центрами в своих регионах, но их рынок труда является крайне узким и ограниченным несколькими крупными (чаще — средними) предприятиями и учреждениями бюджетной сферы.

Мы не рассматривали города, входящие в крупногородские агломерации, расположенные вблизи региональных столиц. Жители таких городов и других населенных пунктов (Великий, 2010), находящихся в радиусе 50–70 км от центра региона, вовлечены в поездки с суточным ритмом (так называемые маятниковые миграции) в рамках локального рынка труда агломераций. За их вычетом остается примерно 730 малых и средних городов, число их жителей составляет 19,3 млн человек. Также в числе исследуемых нет городов восточной части страны и Севера, где отходничество не получило такого распространения. Жители этих регионов временной трудовой миграции предпочитают выезд на ПМЖ. Без них число российских городов, похожих на изучаемые, достигает почти 600 с общим населением 15,9 млн человек.

Представляется, что восемь выбранных городов репрезентируют оставшиеся поселения, находящиеся на значительном удалении от крупных городов в старой и освоенной части страны. Среди них есть и достаточно успешные, с предприятиями, нашедшими свою нишу в новой экономике (например, Сатка, Бузулук), и те, которые постепенно превращаются в большую деревню (Камень-на-Оби, Мичуринск). Соответственно, в некоторой мере может различаться благосостояние домохозяйств и возможные трудовые и миграционные стратегии.

¹ Использовалась вероятностная территориальная двухступенчатая выборка — на первой ступени отбираются избирательные участки, на второй — домохозяйства, в которых проводится отбор респондента. Общий объем выборки в малых городах составил 3200 респондентов (по 800 в каждом городе), в средних городах — 2400 респондентов (по 600 в каждом городе). Помимо опроса проводились экспертные интервью с муниципальными управленцами, а также полуструктурированные глубинные интервью с трудовыми мигрантами.

2. Изучение вопроса

Трудовая миграция в современной России получила широкое распространение, однако относительно ее масштабов среди исследователей нет консенсуса. Официальные оценки, основанные на данных Всероссийской переписи населения России 2010 г. (ВПН 2010 г.), показывают, что за пределами своего региона работали 2,3 млн человек. Однако эта цифра учитывает маятниковых мигрантов (в переписи не было вопроса о частоте поездок между домом и работой), что завышает ее масштабы. Регулярные оценки временной трудовой миграции делаются также на основе данных «Обследование рабочей силы»² (ОРС): в 2017 г. они составляли 1788,3 тыс. человек, а вместе с маятниковыми мигрантами — 2836 тыс. (Обследование рабочей силы — 2017, 2018). Оба источника официальной информации о временной трудовой миграции не учитывают длительных поездок на работу в пределах региона.

Исследователи полагают, что официальные оценки масштабов временной трудовой миграции занижены (Nefedova, 2015; Флоринская и др., 2015). Предпринимались попытки оценить масштабы поездок на работу в пределах региона (Мкртчян, Флоринская, 2016), что, естественно, дает возможность скорректировать данные в сторону увеличения. Распространение трудовой мобильности (в отличие от рассматриваемой в данной статье временной трудовой миграции, это понятие включает также маятниковую миграцию) изучалось также на основе обработки данных ВПН–2010 о месте работы за пределами населенного пункта, где проживает опрашиваемый. Получившиеся оценки трудовой мобильности составили 6,94 млн человек, или 10,8% работающих (Антонов 2016). Кроме того, анализ на таком дезагрегированном пространственном уровне позволил разделить территорию России на части, тяготеющие к разным центрам притяжения трудовых мигрантов в направлениях отходничества.

Временная трудовая миграция характерна для жителей всех типов поселений. Однако сельское население чаще в силу узости рынка труда, разницы в размере заработных плат между поселениями разного типа участвует в трудовой мобильности (Антонов, 2016). Этот же вывод делают исследователи отходничества в сельской местности (Нефедова, 2015б; Makhrova et al., 2016; Аверкиева, 2016). Согласно опросам безработных и лиц, ищущих работу, готовность выехать на работу в другой регион растет от крупного города к малым и сельской местности (Карачурина, Мкртчян, 2012). Но в какой мере население городов разного размера и статуса готово к временной трудовой миграции и уже участвует в ней, ни обследования Росстата, ни исследования пока ответов не дают.

Немало исследователей отмечают позитивные экономические эффекты выездной работы для домохозяйств. Эти эффекты могут выражаться в более высоком уровне благосостояния мигрантских домохозяйств (Флоринская, Рощина, 2004), ресурсах для повышения образо-

² До 2016 г. — «Обследований населения по проблемам занятости» (ОНПЗ).

вания (Nguyen et al., 2015), инвестирования мигрантских переводов в производство (Ma, 1999) или поддержание среднего уровня жизни, и даже простого выживания (Флоринская, 2006). В то же время практически не изучен вопрос влияния внутрироссийской трудовой миграции на экономику поселений или муниципальных образований, в которых работают отходники или проживают их семьи.

В мире достаточно хорошо проработаны вопросы взаимного влияния внутренней и международной миграции (Davis et al., 2002; Liang, Chunyu, 2013), чего не скажешь о взаимосвязи между внутренней долговременной и временной видами миграции. Скорее всего это связано с тем, что в США и многих европейских странах проживание в арендном жилье распространено чаще, чем в России, а арендаторы более склонны к долговременной мобильности (Helderman et al., 2004), а также с тем, что насыщенность крупными городами и развитие инфраструктуры чаще позволяют совершать ежедневные поездки между домом и работой, чем в России (Eliasson et al., 2003). Кроме того, во многих странах на работах, аналогичных тем, какие выполняют российские отходники, заняты международные мигранты. В ЕС такого рода мигрантами могут быть граждане менее богатых стран сообщества (например, граждане новых стран ЕС). Миграция этого вида является международной.

В то же время в России временная трудовая миграция и долговременная (с переездом на ПМЖ) взаимно дополняют друг друга, и даже спад регистрируемой миграции в 1990–2000 гг. исследователи (Моисеенко, 2004) связывают с развитием временных форм миграции. При этом временная трудовая миграция является следствием отсутствия доступного для многих жилья в крупных городах, в результате чего люди вынуждены жить на два дома, откладывая переезд или совсем от него отказываясь (Нефедова, 2015а). Похожим образом обстоят дела в иных постсоветских странах, например Кыргызстане (Atamanov, Den Berg, 2012). Регулярное участие в отходничестве одного из членов домохозяйства стало распространенной практикой, позволяющей совершать своего рода полумиграцию.

3. Распространение трудовой миграции в малых и средних городах и направления поездок

Жители малых городов чаще, чем средних, участвовали в трудовой миграции (табл. 1), что в целом согласуется с гипотезой: чем крупнее поселения, тем ниже доля участвующих в трудовой миграции. Тем не менее распространение выездной работы достаточно высока как в малых, так и в средних городах: почти в каждом пятом домохозяйстве в малых городах и каждом девятом домохозяйстве в средних городах в последние пять лет перед опросом был работник на выезде.

Несмотря на разную долю участия в выездной работе, важность ее как одного из основных источников дохода домохозяйства отметили

Таблица 1

Распространение трудовой миграции в малых и средних городах, 2015 и 2018 г.

Город	Члены домохозяйства участвовали в трудовой миграции в последние пять лет перед опросом, %	Доля указавших работу на выезде в качестве источника средств существования, % домохозяйств
Малые города, 2015 г., всего	19,4	7,5
Вязники	21,4	11,2
Сатка	21,0	7,5
Камень-на-Оби	23,9	7,6
Ртищево	11,2	4,2
Средние города, 2018 г., всего	11,8	7,6
Бузудук	13,2	8,7
Мичуринск	9,5	6,2
Чистополь	13,5	9,7
Великие Луки	11,2	5,8

практически равные доли респондентов как в малых, так и в средних городах. Возможно, это связано с более значимой ролью подсобного хозяйства, пособий, помощи других лиц в доходах домохозяйств в малых городах в отличие от средних.

Помимо домохозяйств, уже имеющих в своем составе трудового мигранта, существует еще категория потенциальных выездных работников. И в этом случае описанная выше тенденция подтверждается: 27,5% респондентов в малых городах, но только 12,1% – в средних городах хотели бы (сами или кто-то другой в их домохозяйстве) поехать на временную работу в другой регион. Однако среди респондентов в малых городах действительно искали работу в другом населенном пункте лишь чуть больше половины тех, кто хотел бы (при опросе в средних городах реальность намерений не проверялась). На вопрос о причинах неучастия в трудовой миграции «невозможность найти работу за пределами своего города» указали 9% жителей малых городов против 4% в средних. Полагаем, именно те, кто искал работу в другом регионе, но не смог ее найти, и составляют реальный потенциал роста участия жителей малых и средних городов во временной трудовой миграции. Как видим, даже в малых городах эта группа невелика.

Направления поездок на работу зависели от выбранных городов, они не показали значимых отличий от наших первоначальных представлений, основанных на данных ОНПЗ (ОРС) и переписи 2010 г. (Между домом..., 2016). Жители Ртищева, Мичуринска и Вязников ориентированы на работу в Москве и Московской области³, из Великих Лук больше ездят в Санкт-Петербург (40%), но при этом каждый четвер-

³ Московский столичный регион (МСР).

тый также работал в МСР. Среди жителей других городов значительная доля отходников выезжали на работу на Север, прежде всего – в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО.

Это преобладающие направления «дальней» миграции (условно), но часть поездок совершалась в пределах своего региона или в соседние⁴. Такие сравнительно близкие поездки совершаются обычно на менее продолжительное время, с более частым возвращением домой. В целом в ближних поездках на работу участвовали более 40% жителей рассматриваемых городов (табл. 2). Остальные работали дальше от дома, самые дальние поездки совершались на Север – в среднем по всем городам их доля составила почти 20%.

Важно, что разработка ответов на вопрос о направлении поездок позволила выделить внутрирегиональную трудовую миграцию. Данные ОНПЗ (ОРС) не дают представления о числе поездок на работу в пределах региона, чем существенно преуменьшают масштабы явления. Полученные данные показывают, что в целом по малым и средним городам доля таких поездок составила 26%. Конечно, все зависит от конкретных городов и специфики регионов, к которым они принадлежат, доля внутрирегиональной миграции сильно разнится (см. табл. 2). Но можно смело утверждать, что 20–25% временной трудовой миграции – внутрирегиональная. Если скорректировать на нее данные ОНПЗ (ОРС), получим, что к 1,8 млн межрегиональных мигрантов нужно добавить 360–450 тыс. внутрирегиональных, а общее число временных трудовых мигрантов в России составит около 2,2 млн человек. При условии, что жители сельской местности и поселков городского типа (ПГТ), а также более крупных городов в той же пропорции участвуют во внутрирегиональном отходничестве.

Таблица 2

Направления поездок на работу жителей малых и средних городов, %

Город	Свой регион	Соседние регионы	Иные регионы	Итого
Малые города, 2015 г., всего	18,7	22,6	58,8	100,0
Вязники	21,8	11,4	66,8	100,0
Сатка	20,7	19,6	59,8	100,0
Камень-на-Оби	18,9	36,4	44,7	100,0
Ртищево	11,4	20,2	68,4	100,0
Средние города, 2018 г., всего	29,1	14,4	56,5	100,0
Бузудук	32,9	27,8	39,2	100,0
Мичуринск	3,5	10,5	86,0	100,0
Чистополь	59,3	7,4	33,3	100,0
Великие Луки	10,3	10,3	79,4	100,0

⁴ Такое разделение несколько условно: для жителей Вязников – Московская, а для Великих Лук – Ленинградская области являются соседними регионами, но их центры расположены на значительном расстоянии.

4. Отъезд на ПМЖ: что мешает реализации намерений

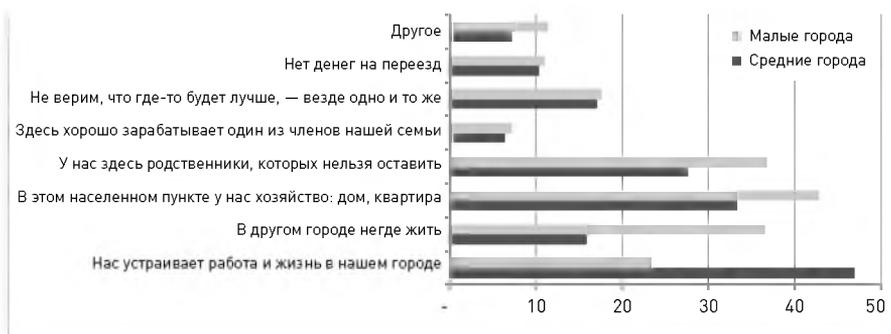
Почти пятая часть (19%) респондентов в средних городах и 26% в малых городах заявили о желании своих домохозяйств переехать на постоянное местожительство в другой город (регион). Однако реальная мобильность на порядок ниже: в среднем лишь около 2% населения ежегодно участвуют в долговременной миграции.

Основное направление потенциального переезда – крупные города, именно в них готовы переехать 56% жителей средних и 60% малых городов. В то же время в средних городах в два раза выше доля желающих выехать за границу (10 против 5%) и в полтора – в сельскую местность (9 против 6%). Видимо, жителей малых городов сельская местность привлекает меньше, так как их образ жизни подчас и так близок сельскому.

Распределение ведущих причин, мешающих осуществлению миграционных намерений, у жителей малых и средних городов заметно отличается (см. рисунок). Так, удовлетворение жизнью и работой в своем городе как сдерживающий фактор переезда на ПМЖ в другой регион гораздо выше (почти в два раза) у жителей средних городов, чем малых. Более того, этот ответ вообще не входит в тройку ведущих причин, препятствующих переезду в малых городах. Для малых городов гораздо важнее жилищный фактор (имеющееся в своем городе жилье и невозможность его купить или арендовать в другом) и наличие родственников, которых нельзя оставить. В целом данные обследований и глубинные интервью с трудовыми мигрантами еще раз подтвердили, что одним из основных тормозов повышения мобильности российского населения служат не действующие административные барьеры (например, регистрация или доступ к социальным услугам), а огромная разница в цене жилья для покупки (или аренды) между крупными и небольшими городами. В средних городах на этот фактор (есть жилье в своем городе, а в другом городе негде жить) указали около половины, а в малых городах – 80% опрошенных. Лишь каждый десятый (и в средних, и малых городах) заявил, что у его семьи нет денег на переезд, соответственно, попытка решить проблему роста мобильности выделением подъемных вряд ли заметно изменит ситуацию.

Участие кого-либо из членов домохозяйства во временной трудовой миграции, безусловно, влияет на формирование намерений переехать на ПМЖ: среди тех домохозяйств, в которых был работник на выезде в последние пять лет, доля желающих переехать на ПМЖ в другой регион значительно выше, чем среди тех, где никто выездной работой не занимался. И такие результаты дают обе выборки – и в малых, и в средних городах: в малых городах – 42 и 23%, в средних – 34 и 17% соответственно. Это наблюдение косвенно подтверждают данные исследований о связи миграции с рынком жилья Москвы и Московской области: жители регионов зарабатывают на приобретение жилья, чаще всего в Московской области, в ходе временной трудовой миграции

(Куричев, Куричева, 2018). Полагаем также, что люди, склонные к пространственной мобильности, не всегда заранее выбирают только один какой-либо тип миграции. Многие сначала выезжают на временную работу, а уже потом рассматривают для себя вариант ПМЖ.

Рисунок

«Что останавливает вас от переезда в другой населенный пункт?» (малые и средние города), %

5. Занятия и квалификация трудовых мигрантов

Как показывают исследования (Флоринская и др., 2015), среди временных трудовых мигрантов-россиян доля лиц с высшим образованием существенно ниже, чем среди не участвующих в отходничестве. Данные ОНПЗ также показывают, что среди временных трудовых мигрантов руководителей, специалистов высшего и среднего уровня квалификации, а также занятых обработкой информации (1–4 децили занятий) существенно меньше (более чем в два раза), чем среди немигрантов. Среди трудовых мигрантов много квалифицированных рабочих промышленности, строительства и транспорта, а также операторов, аппаратчиков и машинистов (7–8 дециль), незначительно — неквалифицированных рабочих (9) и работников сферы обслуживания, ЖКХ и торговли (5).

Указанные отличия трудовых мигрантов от немигрантов в целом подтверждают обследования, проведенные в малых и средних городах (табл. 3), однако тип поселения, откуда выезжают работники, напрямую влияет на занятость мигрантов. Следует отметить, что авторы исследования самостоятельно кодировали ответы на вопрос о занятии («По какой профессии и в какой должности работает(е)/работал(и), в чем именно заключается (заклучалась) работа?»), используя пособие по кодированию материалов ОРС. Кодирование ответов по малым и средним городам осуществлялось исходя из единых принципов и одним человеком.

Результаты показывают, что мигранты из средних городов, по сравнению с малыми, чаще заняты на работах, требующих более высокой квалификации. Доля имеющих высшее образование среди отход-

Таблица 3

Трудовые мигранты из малых и средних городов по укрупненным группам занятий, %

Уровень квалификации	Малые города	Средние города	Все занятое население России ⁶
Руководители организаций и предприятий	3,0	8,8	6,6
Специалисты высшего уровня квалификации	3,9	9,2	22,1
Специалисты среднего уровня квалификации	6,4	8,5	12,6
Работники, занятые подготовкой информации и оформлением документации	2,8	4,1	3,2
Работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли	23,0	17,3	16,1
Квалифицированные работники сельского хозяйства	1,5	0,3	3,2
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и связи	33,6	23,7	13,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	14,8	21,0	13,3
Неквалифицированные рабочие	8,2	4,1	9,8
Не указали занятие	2,8	3,1	-
Итого	100,0	100,0	100,0

Примечание. В таблице использованы результаты полуструктурированных глубинных интервью с трудовыми мигрантами: в малых городах опрошены 535 человек, в средних – 295.

Источники: опросы ИНСАП РАНХиГС, ОРС.

ников из средних городов – 28%, что примерно соответствует ее доле у занятого населения – 31,5% (2017 г.), но у мигрантов из малых городов она существенно ниже (16%). Среди мигрантов из малых городов доля занятых в верхних 4 квартилях занятий составила 16,1%, а имеющих при этом высшее образование – 7,3%; в средних городах – 30,5 и 18,3% соответственно. Получается, что если трудовые мигранты из малых городов вполне соответствуют образу типичного отходника, то про миграцию из средних городов этого однозначно утверждать уже нельзя.

Обследования также показали, что треть всех отходников из средних городов и половина из малых, имеющих высшее образование, были заняты на работах, его не требующих. Слабая связь полученного образования с работой – проблема не трудовой миграции, а всего российского рынка труда (Гимпельсон и др., 2009). При этом порядка 10% работников, не имеющих высшего образования, были заняты на должностях руководителей и специалистов высшей квалификации. В целом уровень образования трудовых мигрантов выглядит несколько избы-

⁶ По данным из (Обследование рабочей силы – 2017, 2018).

точным. Возможно, часть из них получали образование ради корочки, — такое мнение доводилось слышать во время интервью с экспертами в обследуемых городах.

6. Экономический эффект трудовой миграции для малых и средних городов

Согласно данным опроса 2015 г. среднемесячная заработная плата трудовых мигрантов за время последней поездки составляла 37,2 тыс. руб., в 2018 г. — 39,5 тыс. руб. Это примерно соответствует средней заработной плате по России, но существенно меньше, чем во многих регионах, где трудились отходники. Уже в 2015 г. средняя заработная плата в Москве и Ханты-Мансийском АО превысила 60 тыс., в Ямало-Ненецком — 70 тыс. руб., к 2018 г. ее значение также выросло. При этом мигранты, выезжающие в регионы Севера, зарабатывали вполне сопоставимо со средними по региону суммами. Так, в 2018 г. трудовые мигранты, выезжающие в Тюменскую область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, зарабатывали в среднем 72,3 тыс. руб. при средней по этим регионам 64,8 тыс. руб. Эти данные согласуются с материалами глубинных интервью. Проигрывали в среднем заработке отходники в крупнейших городах, что объясняется их концентрацией в отраслях и занятиях, где заработные платы являются невысокими.

В то же время заработки трудовых мигрантов оказались существенно выше средних, чем в самих исследуемых городах. В 2015 г. выигрыш в заработной плате составлял от 1,35 раза для отходников из Сатки до 2 раз — для Камня-на-Оби; в 2018 г. в средних городах разница не была столь разительной. Однако следует иметь в виду, что, например, в Бузулуке средняя заработная плата по городу учитывала нефтедобывающие организации, приписанные к городу, но осуществляющие экономическую деятельность по всей области, и даже за ее пределами. По остальным городам заработная плата трудовых мигрантов отличалась от 1,25 (Мичуринск) до 1,75 раза (Великие Луки).

При этом расходы на проживание по месту работы у подавляющего большинства трудовых мигрантов в 2015 г. не превышали 25% заработка, в 2018 г. — 33%. Разница в доле расходов на личное потребление по месту работы может объясняться как мобилизацией, стремлением сэкономить на себе в год наиболее острого кризиса (2015 г.), так и случайными факторами. Экономить получается в том числе тем, кому работодатель часто предоставляет бесплатное жилье, что в какой-то мере компенсирует расходы на питание и транспорт. Однако главный источник экономии — образ жизни отходника по месту работы, когда деньги тратятся только на удовлетворение минимальных нужд, без приобретения товаров длительного пользования, оплаты развлечений и т.п. Остальные средства тратятся по месту нахождения домохозяйств мигрантов.

Получается, что денежные трансферты трудовых мигрантов своим домохозяйствам составляли в 2015 г. порядка 28 тыс. руб. в месяц, в 2018 г. — 26,5 тыс. в месяц. Эти деньги не только подпитывают благосостояние мигрантских домохозяйств, но и тратятся в тех муниципальных образованиях, где они постоянно проживают, т.е. в обследуемых городах. При условии, что мигрант получает заработную плату в течение всего года и размер трансферта не меняется, в расчете на год бюджет домохозяйства пополнялся на 335 тыс. в 2015 г. и 318 тыс. в 2018 г. Если взять консервативную оценку численности трудовых мигрантов в России, основанную на данных ОНПЗ в соответствующие годы и скорректированную на неучтенную в ней внутрирегиональную миграцию (см. выше), размер трансфертов составлял в 2015 г. порядка 670 млрд, а в 2018 г. — 700 млрд руб. Это сравнимо с гипотетически *недополученными налоговыми доходами местных бюджетов*, но размер этих денежных средств, который вливается в местную экономику и подпитывает потребительский спрос, чиновниками не учитывается.

7. Заключение

Трудовая пространственная мобильность в России не является низкой, как об этом принято говорить: каждое пятое домохозяйство в малом городе и каждое девятое в среднем имело работника на выезде в последние пять лет перед опросом населения. В целом внутренняя трудовая миграция, даже в ее консервативной (низкой) оценке, сопоставима по объемам с переездом на ПМЖ внутри страны. В то же время, чем крупнее поселение, тем меньше доля домохозяйств, участвующих в отходничестве.

Рассчитывать на кардинальный рост числа участников внутренней трудовой миграции из таких типов поселений в будущем вряд ли возможно — реально хотели бы работать в другом регионе, но не смогли найти там работу, члены всего лишь 9% домохозяйств в малых городах и 4% — в средних.

Исследования малых и средних городов позволяют уловить и уточнить долю участвующих в ближних миграциях — в пределах своего региона. В обследованиях Росстата этих мигрантов не учитывают, однако их доля, по нашим оценкам, не менее 20–25% всех внутренних трудовых мигрантов, т.е. масштабы явления недооценены.

Временная трудовая миграция вполне может быть как альтернативой, так и предтечей миграции на ПМЖ. В целом намерения переехать на постоянное жительство в другой регион в тех домохозяйствах, где есть (или был недавно) работник на выезде, звучит значительно чаще, чем в остальных домохозяйствах, где такого работника не было. В России, как и в Китае (Zhan, 2011), где долгое время в крупных городах действовала система *Hukou* (аналог российской прописки, ограничивала возможности ее не имеющих — временных мигрантов в пользовании социальными услугами), со временем снижается действие

этих ограничений. Для многих временная форма миграции связана с осознанным выбором двойного (в Китае — сельского и городского) статуса проживания. Тем самым они диверсифицируют экономические риски (Zhu, 2007). Основным барьером переезду на ПМЖ из небольших городов в крупные служат не административные ограничения, а дороговизна жилья и отсутствие возможности устроиться на хорошие рабочие места, низкая заработная плата работников средней и низкой квалификации для покрытия затрат, связанных с переселением. Как следует из многих исследований (Lux, Sunega, 2012; Kogri, Clark, 2015), выгоды от миграции чаще получают индивиды с высоким уровнем образования. Получается, что мигранты из малых и средних городов, занятые на работах, не требующих высокой квалификации, не имеют ресурсов мигрировать на постоянное место жительства, так как не могут преодолеть барьер высоких цен на жилье. Напротив, мигранты с высоким уровнем образования имеют больше возможностей переселиться на ПМЖ.

Временная миграция является приспособительной формой для домохозяйств в условиях ограниченной вертикальной мобильности: за счет занятости в богатых регионах страны и в отраслях, предоставляющих возможность больше заработать, отходники используют возможности «горизонтальной мобильности вместо вертикальной» (Нефедова, 2015а). Тем не менее представления о трудовых мигрантах исключительно как о необразованных работниках, занятых неквалифицированным трудом, не соответствуют реальной картине, особенно это касается более крупных поселений, откуда выезжают мигранты: около 28% мигрантов из средних городов и 16% из малых имели высшее образование, многие были заняты на работах, требующих высокой и средней квалификации. В то же время треть отходников из средних городов и половина из малых, имеющих высшее образование, были заняты неквалифицированным трудом.

Зарботки трудовых мигрантов заметно выше, чем в среднем в городах проживания их домохозяйств, но ниже, чем в крупнейших городах, куда они едут на работу. В местах работы они тратят всего от четверти до трети заработанного, а все остальное привозят, присылают своим семьям. Эти денежные трансферты оцениваются авторами в 600–700 млрд руб. ежегодно. Следует также учитывать, что это деньги, которые мигранты зарабатывают в более богатых регионах, а тратят в бедных, подпитывая местную экономику и увеличивая потребительский спрос. Роль трудовой миграции в экономике как домохозяйств, так и многих бедных, периферийных территорий, недооценивается.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева К.В.** (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // *Известия РАН. Серия географическая*. № 1. С. 25–37.

- Антонов Е.В.** (2016). Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. № 2. С. 54–63.
- Великий П.П.** (2010). Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // *Социологические исследования*. № 9 (137). С. 44–49.
- Гимпельсон В., Капелюшников Р., Карабчук Т., Рыжикова З., Биляк Т.** (2009). Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // *Экономический журнал ВШЭ*. № 2. С. 172–216.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.** (2012). Потенциал пространственной мобильности безработных в России // *Социологические исследования*. № 2 (334). С. 40–53.
- Куричев Н.К., Куричева Е.К.** (2018). Региональная дифференциация активности покупателей на первичном рынке жилья Московской агломерации // *Региональные исследования*. № 1. С. 22–38.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016). Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.). М.: Новый хронограф.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.** (2016). Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // *Вопросы экономики*. № 4. С. 103–123.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.** (2018). Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (37). С. 186–193.
- Моисеенко В.М.** (2004). Внутренняя миграция населения. М.: ТЭИС.
- Нефедова Т.** (2015а). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // *Демоскоп Weekly*. № 641–642. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2019 г.).
- Нефедова Т.Г.** (2015б). Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. № 2. С. 93–100.
- Обследование рабочей силы – 2017. Статистический бюллетень (2018). М.: Росстат.
- Флоринская Ю., Рощина Т.** (2004). Трудовая миграция из малых городов России: масштабы, направления, социальные эффекты // *Демоскоп Weekly*. № 175–176. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0175/analit03.php>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2019 г.).
- Флоринская Ю.Ф.** (2006). Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания // *Социологические исследования*. № 6. С. 79–86.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.** (2015). Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Atamanov A., Den Berg M. van** (2012). International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-Offs // *Central Asian Survey*. Vol. 31. No. 2. P. 119–136.

- Davis B., Stecklov G., Winters P.** (2002). Domestic and International Migration from Rural Mexico: Disaggregating the Effects of Network Structure and Composition // *Population Studies*. Vol. 56. No. 3. P. 291–309.
- Eliasson K., Lindgren U., Westerlund O.** (2003). Geographical labour mobility: Migration or commuting? // *Regional Studies*. Vol. 37. No. 8. P. 827–837.
- Helderman A.C., Mulder C.H., Ham M. van** (2004). The Changing Effect of Home Ownership on Residential Mobility in the Netherlands, 1980–98 // *Housing Studies*. Vol. 19. No. 4. P. 601–661.
- Korpi M., Clark W.A.V.** (2015). Internal Migration and Human Capital Theory: To What Extent Is it Selective? // *Economics Letters*. Vol. 136. P. 31–34.
- Liang Z., Chunyu M.D.** (2013). Migration within China and from China to the USA: The Effects of Migration Networks, Selectivity, and the Rural Political Economy in Fujian Province // *Population Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 209–223.
- Lux M., Sunega P.** (2012). Labour Mobility and Housing: The Impact of Housing Tenure and Housing Affordability on Labour Migration in the Czech Republic // *Urban Studies*. Vol. 49. No. 3. P. 489–504.
- Ma Z.** (1999). Temporary Migration and Regional Development in China // *Environment and Planning A*. Vol. 31. No. 5. P. 783–802.
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Pallot, J.** (2016). The Specifics and Spatial Structure of Circular Migration in Russia // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57. No. 6. P. 802–818.
- Nefedova T.** (2015). Migration Mobility of Population and Otkhodnichestvo in Modern Russia // *Regional Research of Russia*. Vol. 5. No. 3. P. 243–256.
- Nguyen L.D., Raabe K., Grote U.** (2015). Rural-Urban Migration. Household Vulnerability. and Welfare in Vietnam // *World Development*. Vol. 71. P. 79–93.
- Zhan S.** (2011). What Determines Migrant Workers' Life Chances in Contemporary China? Hukou, social exclusion, and the market // *Modern China*. Vol. 37. No. 3. P. 243–285.
- Zhu Y.** (2007). China's Floating Population and their Settlement Intention in the Cities: Beyond the Hukou Reform // *Habitat International*. Vol. 31. No. 1. P. 65–76.
- Zubarevich N.** (2013). Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities. Russia 2025: Scenarios for the Russian Future. Lipman M., Petrov N. (eds). London: Palgrave Macmillan. P. 67–85.

Поступила в редакцию 16.02.2019 г.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Antonov E.V.** (2016). Labor Mobility of the Population in Russia (According to the 2010 All-russian Census data). *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2, 54–63 (in Russian).
- Atamanov A., Den Berg M. van** (2012). International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-Offs. *Central Asian Survey*, 31, 2, 119–136.

- Averkiewa K.V.** (2016). Labor Markets and Role of “Otkhodnichestvo” in the Employment of Rural Residents of Non-Chernozem Zone of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 1, 25–37 (in Russian).
- Between Home and... Home. The return spatial mobility of population in Russia (2016). Nefedova T.G., Averkiewa K.V., Makhrova A.G. (eds). Moscow: Noviyi hronograh (in Russian).
- Davis B., Stecklov G., Winters P.** (2002). Domestic and International Migration from Rural Mexico: Disaggregating the Effects of Network Structure and Composition. *Population Studies*, 56, 3, 291–309.
- Eliasson K., Lindgren U., Westerlund O.** (2003). Geographical labour mobility: Migration or commuting? *Regional Studies*, 37, 8, 827–837.
- Florinskaya Y.** (2006). Labor Migration from Minor Russian Towns as a Way to Survival. *Sociological Studies (Socis)*, 6, 79–86 (in Russian).
- Florinskaya Y., Mkrтчyan N., Maleva T., Kirillova M.** (2015). Migration and the Labor Market. Moscow: Izdatelskiy dom “Delo” RANEPА (in Russian).
- Florinskaya Y., Roshchina T.** (2004). Labor Migration from Small Towns of Russia: Volumes, Directions, and Social Effects. *Demoscope Weekly*, 175–176. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0175/analit03.php> (accessed: January 2019, in Russian).
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I., Karabchuk T.S., Ryzhikova Z.A., Bilyak T.A.** (2009). Choice of Occupation: Where Have We Studied and Where Are We Working? *HSE Economic Journal*, 2, 172–216 (in Russian).
- Helderman A.C., Mulder C.H., Ham M. van** (2004). The Changing Effect of Home Ownership on Residential Mobility in the Netherlands, 1980–98. *Housing Studies*, 19, 4, 601–661.
- Karachurina L., Mkrтчyan N.** (2012). Potentialities of the Unemployed’s Spatial Mobility in Russia. *Sociological Studies (Socis)*, 2, 40–53 (in Russian).
- Korpi M., Clark W.A.V.** (2015). Internal Migration and Human Capital Theory: To What Extent Is It Selective? *Economics Letters*, 136, 31–34.
- Kurichev N.K., Kuricheva E.K.** (2018). Regional Differentiation of Buyers Activity on the Primary Housing Market of Moscow Agglomeration. *Regional’nye issledovaniya*, 1 (59), 22–38 (in Russian).
- Liang Z., Chunyu M.D.** (2013). Migration within China and from China to the USA: The Effects of Migration Networks, Selectivity, and the Rural Political Economy in Fujian Province. *Population Studies*, 67, 2, 209–223.
- Labour Force Survey – 2017. Statistical Bulletin (2018). M.: Rosstat (in Russian).
- Lux M., Sunega P.** (2012). Labour Mobility and Housing: The Impact of Housing Tenure and Housing Affordability on Labour Migration in the Czech Republic. *Urban Studies*, 49, 3, 489–504.
- Ma Z.** (1999). Temporary Migration and Regional Development in China. *Environment and Planning A*, 31, 5, 783–802.
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Pallot, J.** (2016). The Specifics and Spatial Structure of Circular Migration in Russia. *Eurasian Geography and Economics*, 57, 6, 802–818.
- Mkrтчyan N., Florinskaya Y.** (2018). Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects. *Journal of the New Economic Association*, 1 (37), 186–193 (in Russian).

- Mkrtchyan N., Florinskaya Yu.** (2016). Socio-Economic Effects of Labor Migration from Small Towns of Russia. *Issues of Economics*, 4, 103–123 (in Russian).
- Moiseenko V.M.** (2004). Internal Migration of Population [Vnutrennyaya migratsiya naseleniya]. Moscow: TEIS (in Russian).
- Nefedova T.** (2015). Migration Mobility of Population and Otkhodnichestvo in Modern Russia. *Regional Research of Russia*, 5, 3, 243–256.
- Nefedova T.G.** (2015a). Employment of Population and a Phenomenon of Seasonal Work in the Stavropol krai. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2, 93–100 (in Russian).
- Nefedova T.G.** (2015b). Otkhodnichestvo in the Migration System in Post-Soviet Russia. Prerequisites (2015b). *Demoscope Weekly*, 641–642. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (accessed: January 2019, in Russian).
- Nguyen L.D., Raabe K., Grote U.** (2015). Rural-Urban Migration. Household Vulnerability, and Welfare in Vietnam. *World Development*, 71, 79–93.
- Velikiy P.P.** (2010). New Forms of Searching for Living Among Present-Day Villagers. *Sociological Studies (Socis)*, 9 (137), 44–49 (in Russian).
- Zhan S.** (2011). What Determines Migrant Workers' Life Chances in Contemporary China? Hukou, Social Exclusion and the Market. *Modern China*, 37, 3, 243–285.
- Zhu Y.** (2007). China's Floating Population and their Settlement Intention in the Cities: Beyond the Hukou Reform. *Habitat International*, 31, 1, 65–76.
- Zubarevich N.** (2013). Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities. *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future*. Lipman M., Petrov N. (eds). London: Palgrave Macmillan, 67–85.

Received 16.02.2019

N.V. Mkrtchyan

National Research University Higher School of Economics; Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Y.F. Florinskaya

Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Residents of Small and Mid-Size Towns of Russia: Labor Migration as an Alternative to Permanent Transfer

Abstract. The article deals with internal labor migration of residents of Russia's small and mid-size towns. Whereas the total labor migration in Russia is above 2 million people (according to Rosstat), nearly every fifth household in a small town and every ninth household in a mid-size town had a labor migrant in the course of five years preceding the survey (according to INSAP RANEPА). Labor migration is not limited to rural areas and settlements with a highly slack labor market. The intraregional labor migration that boosts labor migration in the country is identified by at

least 25%, however, it flies under radars of Rosstat's surveys. Labor migration can be both a stepping stone for or an alternative to the permanent transfer to larger cities. Administrative barriers no longer hinder such permanent transfer, the main barrier being a huge difference in the housing costs between small towns and larger cities (be it purchase or rental). This difference is not covered by the income of middle-skilled workers (which comprise most of these migrants) when working in larger cities – as opposed to high-skilled workers.

Keywords: *labor migration, long-term migration, skills of workers, Russia.*

JEL Classification: J61, R23.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4